

❑❑❑❑ Пролог ❑❑❑❑

Тави сложил пальцы домиком и устался на доску для лудуса. Черно-белые квадраты располагались в одиннадцать рядов и одиннадцать столбцов; раскрашенные фигурки из свинца, тоже черные и белые, выстроились на них по ранжиру. На второй доске, размером пять на пять квадратов, установленной на маленьком металлическом пруте так, что ее центр находился над центром нижней доски, находилось всего несколько фигурок. Жертвы сражения стояли на столе, рядом с доской.

Уже давно наступил миттельшпиль, фигуры подошли к той точке, где становились неизбежными размены и жертвы, ведущие к эндшпилю. Такова природа лудуса. Темные легионы Тави понесли более серьезные потери, но его позиция была выгоднее. Пока игра проходила с его преимуществом, и, если противник не задумал какую-то хитроумную ловушку, которую Тави не заметил, у него имелись превосходные шансы на победу.

Он взял одного из своих консулов и переставил на доску, изображавшую небо над полем битвы, добавляя тем самым давления на осажденные позиции белых.

Его противник издал странный звук, похожий на легкое рычание спящего хищника. Тави знал, что он означает нечто сродни смешку, который мог бы издать человек, однако он ни на секунду не забывал, что его противник не принадлежит к человеческой расе.

Каним был огромным существом, высотой более девяти футов, если он выпрямлялся во весь рост, с темным густым

мехом на всем теле, за исключением рук-лап, и лишь в тех местах, где имелись грубые рубцы, просвечивала кожа. Голова напоминала голову огромного волка, только массивнее, морда заканчивалась широким черным носом, в пасти сверкали острые белые клыки. Навостренные треугольные уши наклонились вперед, в сторону доски для лудуса. Широкий хвост нетерпеливо метался из стороны в сторону, узкие золотисто-алые глаза задумчиво изучали доску. От канима исходил необычный запах, Тави никогда не встречал ничего подобного: мускус, отдающий плесенью и ржавым металлом, хотя доспехи и оружие канима уже два года хранились под надежным замком.

Варг сидел напротив Тави на корточках, тем не менее его глаза находились на фут выше глаз человека. Они играли в скромном зале неприступной Серой башни, главной и самой надежной тюрьмы государства. Считалось, что из нее невозможно сбежать.

Тави позволил себе улыбнуться. Почти неприступной. Да и сбежать из нее *иногда* удавалось.

Как всегда, воспоминания о событиях Зимнего фестиваля двухлетней давности наполнили Тави смешанными чувствами гордости, унижения и печали. Даже сейчас в его снах иногда появлялись воюющие чудовища и потоки крови.

Он заставил себя отвлечься от прошлых сожалений.

— Что тут смешного? — спросил он у канима.

— Ты, — ответил Варг, не отводя взгляда от доски для лудуса. Голос его был медленным, низким, слова странно пережевывались и искажались ртом и клыками. — Такой агрессивный.

— Только так можно одержать победу, — ответил Тави.

Варг протянул тяжелую руку-лапу и длинным острым когтем подтолкнул фигуру белого консула вперед. Это было ответом на последний угрожающий белым ход Тави.

— Победа есть нечто больше, чем свирепость.

Тави двинул вперед фигурку легионера, полагая, что скоро сможет начать атаку.

— Что ты имеешь в виду?

— Свиристость необходимо усмирять дисциплиной. Свиристость бесполезна, если ее не использовать в нужном месте... — Варг смахнул с доски фигуру доминуса и уничтожил легионера. Затем слегка отодвинулся и сложил руки на груди. — И в нужное время.

Тави нахмурился, глядя на доску. Он рассматривал такой ход Варга, но посчитал его слишком нестандартным и непрактичным, чтобы принимать всерьез. Но тонкий маневр изменил баланс сил.

Тави обдумывал ответный ход, отбросив первые два варианта как бесперспективные. Затем, к своему смятению, он обнаружил, что следующая дюжина вариантов ничего хорошего тоже не даст. Через двадцать ходов, которые приведут к серии разменов, станет очевидно, что численно превосходящие силы канима смогут без особых усилий выследить и захватить Первого консула Тави.

— Вбóроны, — пробормотал юноша.

Черные губы Варга раздвинулись, обнажив белые клыки, имитируя алеранскую улыбку. Конечно, ни один алеранец не мог бы выглядеть таким... беззастенчиво хищным.

Тави покачал головой, продолжая рассматривать различные варианты.

— Я играю с вами в лудус уже почти два года, господин. И думал, что неплохо изучил вашу тактику.

— Да, кое в чем, — согласился Варг. — Ты быстро учишься.

— Однако я не уверен, — сухо заметил Тави. — Что я должен был изучить?

— Мой разум, — ответил Варг.

— Почему?

— Познай своего врага. Познай себя. Только после этого сможешь одержать победу.

Тави склонил голову набок, а Варг молча приподнял бровь и вновь показал клыки.

— Разве это не очевидно? Мы воюем, алеранец, — сказал он без особого гнева, если не считать обычных интонаций

канима, и провел рукой-лапой над доской для лудуса. — Сейчас война ведется вежливо. Но это не просто игра. Мы пробуем свои силы друг против друга. Изучаем противника.

Тави поднял глаза и нахмурился.

— Чтобы мы знали, как лучше убить друг друга, когда наступит время, — сказал он.

Варг молчал, показывая свое согласие.

Однако Варг нравился Тави. Бывший посол был последовательно честен, во всяком случае, когда имел дело с Тави. Каним обладал несколько необычным, но очень жестким кодексом чести. С их первой встречи Варг обращался с Тави с уважением и легким удивлением. Играя с Варгом в лудус, Тави предполагал, что они лучше узнают друг друга и между ними возникнет нечто вроде дружбы.

Варг считал иначе.

Этой мысли потребовалось пять секунд, чтобы произвести на Тави отрезвляющее действие. А потом ему стало очень страшно. Каним был тем, кто он есть. Убийцей. Если его честь и цели потребуют разорвать горло Тави, он не станет колебаться ни одного мгновения, но до тех пор будет демонстрировать вежливую терпимость, пока между ними не возобновятся открытые военные действия.

— Я видел опытных игроков, которые в первые годы обучения показывали гораздо худшие результаты, — прогрохотал Варг. — Возможно, настанет день, когда ты станешь настоящим мастером.

Если, конечно, Варг и другие канимы не растерзают его на части. Тави вдруг ужасно захотелось изменить тему беседы.

— Как давно вы играете в лудус?

Варг встал и сделал несколько нетерпеливых шагов, как любой матерый хищник, оказавшийся в клетке.

— Шестьсот лет, если считать годы по-вашему. Сто, если по-нашему.

Тави разинул рот и сумел его закрыть только через пару секунд.

— Я... не знал.

Варг снова зарычал — засмеялся.

А Тави пытался придумать, что сказать. Его взгляд вернулся к доске для лудуса, и он коснулся клетки, которую использовал Варг для своего гамбита.

— Но как вам удалось это устроить?

— Дисциплина, — сказал Варг — Ты расставляешь свои фигуры так, что между ними нет взаимодействия. Слишком широко их располагаешь. И они не в силах поддерживать друг друга.

— Я не уверен, что понимаю.

Варг принялся расставлять фигуры, чтобы Тави понял, что он имел в виду. Его воины стояли ровными рядами, бок о бок. Для Тави они выглядели неуклюжими и слишком скученными, но их огневая мощь перекрывалась и компенсировала другие недостатки подобного расположения, в то время как фигуры Тави были слишком удалены друг от друга — каждая стремилась к достижению одного конкретного преимущества, чтобы доминировать на доске.

Варг восстановил исходную позицию.

— Тот же принцип применяется, когда твои легионы сталкиваются с нашими рейдерскими отрядами, — продолжал Варг, взмахами хвоста подчеркивая свои слова. — Их дисциплина компенсирует недостаток физической силы. Никакая ярость не сравнится с дисциплиной. Неразумно примененная агрессия более опасна для тебя самого, чем для врага, детеныш.

Тави хмуро посмотрел на доску и проворчал нечто неразборчивое.

— Признаёшь свое поражение? — спросил Варг.

— Игра еще не закончена, — ответил Тави.

Он не знал, как разбить позицию Варга, но считал, что, если будет продолжать на него давить, такие возможности могут появиться, или Варг сам сделает ошибку, которой Тави сумеет воспользоваться. Он поставил своего рыцаря на место доминуса Варга, начиная серию грандиозных разменов.

Через дюжину ходов Тави все еще не видел способа победить канима. Его поражение выглядело неизбежным, он соорудил гримасу и поднял руку, чтобы положить своего Первого консула на бок в знак капитуляции.

В этот момент кто-то постучал в дверь, и Тави вновь отметил, что эти покои больше походят на обычное скромное жилище, чем на тюрьму. Здесь имелась огромная постель, способная удовлетворить канима, и даже место для чтения. Дверь распахнулась, и вошел часовой:

— Прошу меня извинить, молодой человек. Прибыл курьер из цитадели по делу Короны. Он хочет с тобой говорить.

— Ха! — сказал Тави, широко улыбнулся Варгу и опустил руку. — Долг зовет. Придется считать, что партия завершилась вничью.

Варг негромко зарычал — засмеялся и встал лицом к нему, слегка наклонив голову в сторону Тави, который повторил его жест, но более акцентированно.

— До следующей недели. Пожалуйста, извините меня, господин.

— Долг не нуждается в извинениях, детеныш, — сказал Варг.

Он обнажил клыки в улыбке, обращенной к часовому. Тот сумел не вздрогнуть, но Тави показалось, что ему пришлось сильно напрячься.

Тави отступил к двери, не поворачиваясь спиной к Варгу, выскользнул за часовым и спустился вслед за ним в небольшой кабинет, обставленный очень скромно: полки с книгами на стенах, простой стол и стулья из полированного дерева, письменный стол и столик для бухгалтерских книг с простым белым кувшином, покрытым капельками воды.

Невысокий плотный человек в красно-синей тунике старшего чиновника цитадели сидел на одном из стульев и близоруко щурился. Часовой кивнул ему, вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

Тави нахмурился, изучая посланца, который показался ему знакомым. Тави не узнал лица, но это ничего не значило, ведь в цитадели Алеры было полно народу.

Посланец слегка наклонил голову, но промолчал.

Тут Тави усмехнулся и поклонился:

— Принцепс.

Довольный посланец расхохотался, очертания его тела стали меняться, и перед Тави появился более стройный и высокий Гай Секстус, Первый консул Алеры и самый могущественный маг. У него были густые, тщательно подстриженные волосы, давно ставшие снежно-белыми, но только их цвет и морщинки в уголках глаз выдавали тот факт, что ему намного больше сорока лет. Он обладал холодной отчужденностью волка и уверенностью в своем могуществе, уме и опыте. Тави отметил, что Первый консул изменил также и свою одежду и она ему по-прежнему подходила, хотя он стал на шесть дюймов выше.

— Как ты догадался? — спросил Гай.

Тави нахмурился.

— Ваши глаза, правитель, — наконец ответил он.

— Их я тоже изменил, — парировал Гай.

— Дело не в форме и цвете, — объяснил Тави. — Просто... ваши глаза. Я их узнал. Сам не знаю как.

— Наверное, интуиция, — задумчиво проговорил Гай. — А жаль. Если бы ты обладал каким-то особенным талантом, возможно, мы сумели бы научить твоей технике остальных курсоров.

— Я поработаю над этим, правитель, — сказал Тави.

— Очень хорошо. Я хотел поговорить с тобой. Я прочитал твой анализ рапортов.

Тави заморгал:

— Принцепс? Я думал, что пишу их для дона Майлса. Меня удивляет, что они дошли до вас.

— Они и не должны были дойти. Если бы я читал все рапорты, поступающие в цитадель, мне бы пришел конец в первый же день, — сказал Гай. — Но Майлсу твои выводы показались интересными, и он передал их мне.

Тави сделал глубокий вдох:

— Вот как.

— Ты весьма убедительно показал, что настало время для выступления против самых амбициозных консулов.

— Правитель, — запротестовал Тави, — это не совсем так. Майлс хотел, чтобы я привел доводы, противоречащие его излюбленной стратегии. Я лишь помог ему найти в ней слабые места.

— Я знаю, — сказал Гай. — Но это не делает твои выводы менее убедительными. — Он нахмурился, устремив взгляд на полки с книгами. — Думаю, ты прав. Пришло время заставить консулов танцевать под мою музыку.

Тави снова нахмурился:

— Но... правитель, это может привести к настоящей катастрофе.

Гай покачал головой:

— Конфронтация неизбежна, как бы мы себя ни вели. Рано или поздно Калар или Аквитейн выступит против меня. Лучше нанести упреждающий удар в удобный для нас момент, чем ждать, когда они будут готовы.

— В целом, принцепс, — заметил Тави, — такая стратегия может потерпеть неудачу.

Гай покачал головой и улыбнулся:

— Этого не произойдет.

— Откуда вы знаете?

Первый консул приподнял бровь:

— Инстинкт.

Тави не сумел сдержать смеха.

— Да, принцепс. — Он выпрямился. — Какими будут ваши приказы?

— Нам нужно проверить, насколько хорошо подготовлена наша армия, — задумчиво проговорил Первый консул, — но ни один из легионов не начнет тренировочный цикл до следующего года. — Гай вытащил из-под туники кожаную папку и бросил ее Тави. — Тебе нужно как-то занять время. Поэтому ты отправляешься в путешествие.

Тави нахмурился и посмотрел на папку:

— Куда?

— В долину, — ответил Гай. — К руинам Аппии, если уж быть точным, чтобы поучиться у мастера Магнуса.

Тави удивленно заморгал:

— Что?

— Ты окончил свой второй семестр в Академии, и лишь великие фурии знают, как ты станешь развлекаться, если оставить тебя здесь. Я читал твой трактат о романском искусстве. Магнус тоже. Ему нужен помощник для исследований, — сказал Гай. — Я предложил твою кандидатуру, и он невероятно обрадовался, когда узнал, что сможет заполучить тебя на шесть месяцев.

— Но... правитель, мои обязанности... — ошеломленно пробормотал Тави.

Гай тряхнул головой:

— Поверь мне, я собираюсь сделать тебе подарок, Тави. Возможно, ты понадобишься мне здесь, тут многое зависит от того, как будут развиваться события. Но может быть, ты не хочешь туда ехать?

На губах Тави появилась широкая улыбка.

— Нет, правитель! Я хотел сказать, да, правитель! Для меня это честь.

— Превосходно, — проговорил Гай. — Тогда собирайся, чтобы отбыть еще до рассвета. И попроси Гаэль доставить эти письма.

Тави едва слышно ахнул. Гаэль, которая училась вместе с Тави, никогда не была Гаэлью. Настоящую Гаэль убили, дублировали и хладнокровно заменили до того, как у Тави появился шанс узнать настоящую. Шпионка, которая это сделала, была кровавым вороном консула Калара по имени Ладья. Она дружила с Тави два года, прежде чем ему стала известна ее истинная подлая природа.

Однако Гай решил оставить ее в роли Гаэли, чтобы она передавала своему хозяину ложные сведения.

— Вы думаете, она передаст их Калару?

— Вне всякого сомнения, — ответил Гай.

— Могу я спросить?.. — пробормотал Тави.

Гай улыбнулся:

— В конверте будет обычная почта и одно письмо Аквитейну, в котором я сообщаю о своем желании усыновить его и сделать наследником.

Брови Тави поползли вверх.

— Если Калар об этом узнает и поверит в ваши намерения, вы рассчитываете, что он начнет действовать до того, как Аквитейн станет всерьез претендовать на трон.

— Он обязательно отреагирует, — согласился Гай. — Но я не уверен, как именно. Он слегка безумен, и его действия трудно предсказать. Вот почему мне необходимо как можно больше глаз и ушей на юге. И позаботься о том, чтобы моя монета постоянно находилась при тебе.

— Я понимаю, правитель, — сказал Тави, притрагиваясь к старой серебряной монете, висевшей у него на шее на цепочке. — А Гаэль?

— Если у нас все получится, ее полезность для Короны будет исчерпана, — тихо и жестко сказал Гай.

— Да, правитель, — с поклоном пробормотал Тави. — А как насчет Линялого?

Лицо Гая помрачнело.

— Почему ты спрашиваешь?

— Он со мной с тех пор... с тех пор, как я себя помню. Я так понял, что...

— Нет, — возразил Гай тоном, не допускающим возражений. — У меня есть работа и для него.

Тави долго смотрел в холодные глаза Гая, потом едва заметно кивнул:

— Слушаюсь, принцепс.

— Тогда не будем больше терять времени. — Гай встал. — Кстати, — сказал он небрежно, — ты, случайно, не спишь с постом маратов, Тави?

Тави почувствовал, как у него снова отвисла челюсть. Щеки стали такими горячими, что ему показалось, будто они вспыхнули огнем.

— О, правитель...

— Полагаю, ты понимаешь, какими могут быть последствия. Никто из вас не владеет магией, позволяющей избежать зачатия. И уж поверь мне, я знаю, насколько отцовство осложняет жизнь.

Тави отчаянно мечтал, чтобы у него под ногами разверзлась земля и поглотила его целиком.

— Мы... э-э-э... этого не делаем, — сказал Тави. — Есть... ну, другое. Другие вещи... Они не...

Глаза Гая засверкали.

— Общение?

Охваченный ужасом, Тави закрыл рукой лицо:

— О, проклятые вóроны. Да, принцепс.

Гай оглушительно расхохотался.

— Я смутно припоминаю эту концепцию, — сказал он. — А поскольку молодые люди никогда не умели себя сдерживать, я должен быть уверен, что вы занимаетесь другими... вещами. — Его улыбка померкла. — Но имей в виду, Тави. Она не человек. Она марат. Получай удовольствие от жизни, если не можешь иначе, но я советую тебе сильно к ней не привязываться. Твои обязанности станут еще более трудными.

Тави закусил губу и опустил глаза. От волнения он сразу не сообразил, что не увидит Китаи в течение полугода, если его отошлют. Эта мысль ему не понравилась. Совсем. Они почти каждый день находили возможность проводить время вместе. И почти каждую ночь.

Тави почувствовал, что снова начинает краснеть от одних только мыслей о Китаи. Однако он несколько удивился, когда понял, что мысль о расставании с ней ему не нравится не только из-за того, что ему придется отказаться от... альтернативного общения с ней. Китаи была красивой и завораживающей молодой женщиной, остроумной, честной и верной, и обладала удивительным умением сопереживать — прежде Тави видел подобное лишь у заклинателей воды, вроде его тети Исаны.

Она стала его другом. Более того, он был связан с Китаи невидимыми узами, вроде тех, которые связывают каждого марата со своим тотемным существом. Все мараты, которых

встречал Тави, не расставались со своими тотемами, Китаи называла их чала. Ее отца, которого звали Дорога, главу клана Гарганта, никогда не видели без огромного черного гарганта по имени Ходок. А случаи, когда Хашат, глава клана Лошади, ходила на собственных ногах, Тави мог сосчитать по пальцам одной руки.

Тави испытывал тайное беспокойство, что расставание с ним может причинить вред Китаи. Ведь после пребывания на юге ему предстоит три года прослужить в легионе и оказаться на дальних окраинах Алеры, а не в столице, где должна находиться Китаи как посол своего народа.

Три года. Потом новое назначение. И еще одно. Курсоры Короны редко проводят много времени в одном месте.

Он уже скучал по Китаи. Хуже того, он ничего не сказал Гаю о связи между ними и о том, какой вред разлука может ей причинить. Он никогда не формулировал своих подозрений Первому консулу. И если отбросить обычные тревоги, он и сам не понимал, почему инстинкты подсказывали ему, что он не должен раскрывать Гаю тайн, которые позволили бы Первому консулу манипулировать своими курсорами. Тави вырос на окраине страны, на опасных землях, где жизнь научила его доверять интуиции.

Гай видел, что Тави переполняют чувства, и кивнул. Вероятно, он решил, что дело в романтической влюбленности.

— Ты начинаешь понимать, — сказал Гай.

Тави коротко кивнул, не поднимая глаз, стараясь контролировать свои эмоции.

Гай выдохнул, принял свою измененную форму и направился к двери.

— Ты сделаешь, как захочешь, Тави, но я доверяю твоей рассудительности. Начинай собирать вещи, курсор. И удачи тебе.

Из-за не по сезону плохой погоды рыцари Воздуха, доставившие Ладью к ее господину на юг, летели медленнее, чем всегда, и она предстала перед ним только через пять дней. Все это время было для нее мучительным. Она не обладала